

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАХСТАНСКОГО СЕЛА В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация:

Повседневная жизнь казахстанцев в советском тылу в годы Второй мировой войны до сих пор остается малоизученной темой. В советский период историки и этнографы в той или иной степени вынуждены были придерживаться советских пропагандистских мифов и политики утаивания действительности, слишком неприглядной даже для условий военных лет. В настоящей статье автор затрагивает различные стороны жизни сельских жителей в Казахстане в годы войны, такие как: их участие в общественном хозяйстве, труд школьников, тяжелые бытовые условия сельчан, положение эвакуированных и депортированных граждан, распространение эпидемий, правонарушения и т.д. Картина сельской повседневной жизни в Казахстане показана на материалах Кустанайской области с использованием документов, хранящихся в Государственном архиве Костанайской области (ГАКО), воспоминаний современников тех лет, эпистолярных и других источников.

Содержание:

В литературе советского периода некоторые моменты повседневной жизни и быта рядовых сельчан – жителей колхозов и совхозов можно обнаружить в работах историков, специализировавшихся в области социальной и экономической истории, а также и этнографов [1–7]. Среди этих исследований следует особо отметить монографию Ю.В. Аругюняна, которая выделяется большей информативностью в плане изучения повседневной жизни и быта советских сельских граждан. Из казахстанских исследований стоит выделить работу Т.Б. Балакаева, показавшего особенности хозяйственной жизни казахстанского села в годы войны. В целом, нельзя сказать, что авторы указанных здесь работ не стремились создавать достоверную картину жизни жителей советских сел. Однако, все же в силу пропагандистской направленности исторической науки в советской стране историки должны были изображать массовый патриотический подъем среди населения, не акцентировали особого внимания на неимоверно тяжелом быте сельских граждан, на преобладании ручного труда в сельском хозяйстве, массовом использовании труда малолетних детей, массовых эпидемиях и голодных смертях и т.д. Дело в том, что все эти трагические моменты указывали бы на несостоятельность советской экономической, в частности, навязанной крестьянству колхозно-совхозной системы.

В нашей республике на сегодняшний момент о большом интересе к изучению этой темы пока говорить не приходится. Нами выявлено совершенно небольшое количество опубликованных за годы независимости

работ казахстанских авторов, касающихся проблемы повседневной жизни сел Казахстана [8–9]. Трагические картины из жизни и быта насильственно переселенных в Казахстан в годы войны народов: немцев, поляков, калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей показывают авторы коллективной монографии «Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы» – известный казахстанский ученый К.С. Алдажуманов, а также писатель Г. Бельгер и польский исследователь А. Кучиньски [10]. Российскими же исследователями за последнее время создано довольно внушительное количество научных работ, статей и монографий, посвященных жизни в годы войны самых разных регионов России [11–14]. Нужно заметить, что в современной историографии проблемы повседневной жизни и быта советских людей в военные годы наблюдается та же дискуссионность, которая охватила в последнее время всю постсоветскую историографию, касающуюся темы неимоверно высокой цены, заплаченной народами СССР за победу во Второй мировой войне и ответственности за это тогдашнего руководства страны. В особенности, конечно же, эту дискуссионность можно увидеть в наиболее хорошо разработанной российской историографии вопроса (на разность подходов, к примеру, указывают уже названия наиболее известных работ по теме: «Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945. Пиррова победа» М.А. Вылцана и «Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига» В.Т. Анискова). Хотя сегодня, осуждая или поддерживая политику советского руководства по отношению к крестьянству в годы войны (или вообще в период сталинизма), современные российские историки показывают истинное положение вещей в русских деревнях – колхозах и совхозах – на основе рассекреченных источников, в отличие от советских авторов, частично замалчивавших тему из идеологических соображений. На наш взгляд, победа досталась стране жестокой, многократно «переплаченной» ценой человеческих страданий и жизней, ответственность за которую лежит на государстве и его первых руководителях, проводивших волюнтаристскую экономическую политику и политику массовых репрессий. Именно эта политика тоталитарного государства явилась причиной технической отсталости сельского хозяйства, нищеты в аулах и деревнях, голода и массовых заболеваний.

Материалы, использованные в статье, были получены в ходе фронтальной научной экспедиции, организованной Институтом истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова в начале 2015 года для сбора сведений об участии казахстанцев в Великой Отечественной войне, и приуроченной к 70-летию Победы. Надо отметить серьезную работу Костанайского областного и городского акиматов в области бережного сохранения исторической памяти, связанной с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. Так, к примеру, под руководством местных государственных органов кустанайскими историками были созданы замечательные исследования, раскрывающие историю жизни области и ее жителей в военные годы: «Кустанайская область

в годы Великой Отечественной войны: единство фронта и тыла» [15] и «Кустанайцы – герои тыла. Личный вклад» [16]. В настоящей статье использованы сведения, имеющиеся в этих работах, в основном, личные воспоминания кустанайцев, а также архивные документы, материалы периодической печати, полевые материалы и т.д.

К началу войны СССР с Германией Кустанайская область представляла собой аграрный регион. Промышленность была представлена небольшим количеством предприятий. Каждый район области развивал животноводство и зерновое направление. До 1941 г. сельское хозяйство после проведенной коллективизации не смогло полностью восстановиться. Объекты социальной инфраструктуры постоянно испытывали недостаток финансирования, что заметно отражалось на их общем состоянии [15, с. 81]. В начале 1941 г. в отдельных районах области имелись случаи массового голода. Свидетельством тому, например, является следующий архивный документ:

«Кустанайскому обкому от Ушсорского сельсовета, Тарановского района, Кустанайской области.

Настоящим еще раз обращаюсь к Кустанайскому обкому по части дачи содействия по части голода колхозников ввиду чего множество выходят из колхозов ввиду голода. В нашем сельсовете имеется сапное хозяйство, где были убиты более 2-х месяцев назад лошади, которые были закопаны на скотомогильнике, каковых заставил голод вытянуть из ямы и поест более сто голов. Обращался несколько раз к райсовету за содействием, но ничего до сего времени не получил, никакого содействия, а потому обращаюсь к вам, дайте на мой неоднократный сигнал, что делать.

Пред. Ушсорского с/с (подпись)

20. II. 41 г.» [17].

Война еще более усугубила положение дел. Область начинает передавать фронту рабочих лошадей, большую и лучшую часть автотранспортной техники. На фронт из колхозов, совхозов, МТС ушли наиболее квалифицированные работники, руководители сельхозпредприятий, значительно сократилась численность трудоспособного населения. Большая часть тяжелого крестьянского труда легла на плечи женщин, подростков и стариков. Колхозники выполняли планы поставок зерна, мяса, другой сельхозпродукции для фронта, работая от зари до темноты, испытывая немислимые трудности и лишения.

Интересны воспоминания о начале войны очевидцев тех событий. По словам К.К. Успанова, известил о начале войны колокол в центре села, который обычно отчитывал время. Возле колокола на сельской площади на трибуну поднялись трое мужчин, видимо, уполномоченных властью, которые и сообщили о начале войны с фашистской Германией. Сельчане опустили

головы, женщины зарыдали, а дети недоумевали, почему так разволновалось село [16, с. 782].

Однако советская пропаганда, работавшая во всю мощь, действовала не на всех. Бывало, что призванные в Красную Армию через некоторое время вновь возвращались к местам жительства из Ташкента, Акмолинска и Ферганы. Причем, не отдельные лица, а целые команды в 150–200 человек. Имелись граждане, открыто заявлявшие об отказе от воинской службы, кто-то убегал прямо во время отправки [16, с. 63].

Чтобы установить новый жесткий порядок, с подачи руководящих партийных органов провозглашались «инициативы» каких-либо коллективов, которые должны были «поддержать» работники других организаций. Так, колхозники области подхватили инициативу сельхозартели «Красные горные орлы» Уржарского района Семипалатинской области: *«Мы устанавливаем у себя в колхозе новый порядок – работать всем колхозникам от зари до зари, а машинам – круглые сутки, повысить нормы выработки по всем видам работ от 20 до 50 процентов, значительно сократить перерывы на завтрак, обеда, отдых»* [5, с. 68].

Участие в общественном хозяйстве

Сельские жители – работники колхозов и совхозов – в основном были заняты в полеводческом и животноводческом производстве. Рабочие машинно-тракторных станций (МТС) обслуживали потребности в механизации сразу нескольких близлежащих колхозов. В зерноводстве наиболее ответственными видами работ были посевная и уборочная кампании.

В годы войны на селе остро не хватало машинной техники. В предвоенные годы, в связи с обострившейся международной обстановкой, советская промышленность снизила выпуск тракторов в два раза по сравнению с предыдущей пятилеткой [6, с. 170.]. Кроме того, как уже было выше указано, с началом войны вся годная к эксплуатации техника со всей страны отправлялась на фронт. Поэтому посевная в годы войны производилась в основном дедовским способом, без тракторов и машин. Лошадей также забирали на нужды фронта – военные орудия в Красной Армии нередко тоже перемещались при помощи живой тягловой силы. Поэтому пахали преимущественно на быках и коровах. К примеру, в двухлемешный плуг впрягали двух старых быков, в середину – двух молодых быков, впереди – две коровы. За одним плугом работали три человека. Управлял плугом плугалтер, который держал рукоятки плуга и регулировал глубину вспашки. Погонщик направлял быков и коров. Коров на время весеннего сева забирали у владельцев. Часто хозяйки коров становились погонщицами, стараясь уберечь скотину [16, с. 784]. И с этой же коровы еще надо было сдать государству масло и молоко – 8 и 47 кг соответственно [16, с. 740]. Бывало, что и коров не хватало, тогда колхозники брались за лопаты и вскапывали землю вручную [4, с. 566].

В войну люди вынуждены были работать по 20–22 часа в сутки, на ходу засыпая, иногда теряя чувства реальности [16, с. 791]. В период пахоты, как работники, так и быки валялись с ног. Чтобы поднять скотину, требовалось немало сил. Иногда падающих в изнеможении быков приходилось дорезать. Быки в военные годы были основной тягловой силой в полеводстве, в животноводстве и на транспорте [16, с. 719]. Случался и массовый падеж рабочих волов и лошадей в борозде [18]. Семена в отсутствие техники по полю разбрасывались вручную. Люди выстраивались в один ряд с мешком на плече, в котором находилось около ведра семенного зерна. Шли по пахоте «маршем под правую ногу», рукой набирали зерно и рассыпали между пальцами. После них землю боронили, то есть закрывали семена.

В летнее время колхозники заготавливали на зиму топливо, которым служил кизяк. Для этого навоз месили ногами, затем укладывали пластами. Высохшие пласты кизяка, поделенные на квадраты, выдавались колхозникам на трудодни. Надо заметить, что кизяк – традиционное топливо кочевников, для обогрева жилищ в условиях суровой кустанайской зимы был малоэффективным.

Сенокос, а также прополка сорняков проводились в массовом порядке, с привлечением школьников [16, с. 193]. Затем наступала жатва. Для сбора урожая из всех средств механизации чаще использовались лобогрейки на конной тяге, которыми косили еще до революции. Однако, лобогрейки, как и брички, телеги, так и весь другой колхозный инвентарь в годы войны были в большом дефиците. Поэтому в основном хлеб на полях собирался вручную. К сбору урожая привлекалось все городское и сельское население области, снимали с занятий студентов и школьников. В отсутствие транспорта до мест назначения добирались пешком [15, с. 324]. На сбор колосьев бывало, что привлекались и дети дошкольного возраста [16, с. 194]. Чтобы не было хищений, в полях дежурили уполномоченные, под надзором которых были даже дети. Широко известно, что в военное время сажали и за десяток колосков [16, с. 719].

Специальность сельского механизатора пришлось осваивать женщинам, подросткам, юношам и девушкам. Вспоминает Иван Филиппович Токарчук, с 1941 по 1957 годы подростком проработавший трактористом Сорочинской МТС: *«Трактор У-2 со шпорами на задних колесах, без света, без тормозов, руль повернуть уморишься. Нас после курсов на такой трактор ставили по 3 подростка. В ночную смену один сидит за рулем, а второй, «высунувши язык», бежит впереди трактора, освещая дорогу. Упасть нельзя, непременно задавит, в сторону – боже сохрани – огрех, – пробежишь 2 км, напарник разворачивается, и мы меняемся местами»*. За нарушение трудовой дисциплины, к чему относилось и невыполнение дневной завышенной нормы военного времени, следовало наказание. Как вспоминает И.Ф. Токарчук за опоздание на 2–3 месяца лишали мизерной оплаты в 60 коп. на трудодень. А однажды, его, 13-летнего подростка, председатель колхоза

угрожал застрелить из нагана. Также, в качестве наказания мальчишек били и закрывали в холодные амбары [16, с. 742].

Зачастую квалификация подготовленных в годы войны трактористов оказывалась низкого уровня. Как говорилось в одной из докладных записок о подготовке механизаторов сельского хозяйства: *«Многие из окончивших школы, придя в МТС, боятся сесть за трактор, не умеют водить трактор в борозде или могут работать, пока трактор идет, а стоит ему остановиться из-за малейшей неисправности – не знают, что делать, и зачастую из-за пустяков простаивают часами, пока не подъедет механик»* [5, с. 128].

На ферме вместе с взрослыми женщинами работали 12 – 14-летние девочки-подростки. Если взрослым дояркам выделяли до 45 голов, то детям меньше – 12–15. Работницы ферм совмещали обязанности доярок и скотников. Они чистили навоз, доили коров, качали воду из колодца, чтобы напоить скот, сами заготавливали сено. Когда коровы телились, надо было их раздаивать и до 20 дней выпаивать телят. Члены колхозов обязаны были участвовать и в других сельскохозяйственных работах. Например, доярки во время жатвы по ночам еще веяли зерно. По воспоминаниям, работницы зимой нередко получали обморожения, от чего по ночам кричали от боли, но и в болезненном состоянии вынуждены были идти на работу. Часов в те годы ни у кого не было, поэтому доярки приходили на ферму пораньше и на рассвете производили первую дойку [16, с. 751].

Чабанами в животноводческих колхозах также работали 12-летние мальчишки. Подростки скот выпасали в суровых условиях: как в летнюю жару, так и в зимнюю стужу. И это почти в отсутствии необходимой одежды и продуктов питания, которыми работники должны были обеспечивать себя сами. За каждую же овцу либо ягненка спрос также был чрезвычайно строгий [16, с. 771].

В 1941–1942 году в Казахстане впервые после насильственной седентаризации было применено в плановом порядке и в широком масштабе отгонное животноводство. Расстояние между летним и зимним пастбищами зачастую превышало 300 км [19, с. 9]. Таким образом, был использован многовековой опыт казахского подвижного животноводства, которое большевиками-модернизаторами в свое время было объявлено примитивным и отсталым. В результате, был значительно уменьшен расход кормов, падеж скота, содержащегося на зимних пастбищах, оказался меньшим, чем при стойловом содержании [5, с. 161]. В Кустанайской области выпас скота на летних и зимних пастбищах был организован внутри области. Ее северные районы принимали стада на летний выпас в июле–августе. Зимой же скот перегонялся в южные районы – Амангельдинский и Тургайский. Для зимовки скота в 1941–1942 гг. было намечено для перегона до 1000 лошадей (кроме племенных и рабочих), а также крупный рогатый скот до 1000 голов [20].

Для побуждения людей на все большую отдачу в работе, использовалось советское ноу-хау – социалистические соревнования: стахановское движение, движение двухсотников, трехсотников, совместителей профессий и т.д. Соревноваться между собой люди должны были при выполнении самых разных задач, и не только производственных. Например, таких, как подготовка женских кадров, сбор теплых вещей и продовольствия на фронт, сбор денежных средств и ценностей в фонд обороны, оказание помощи раненым бойцам и т.д. [21, с. 27].

Агитация и пропаганда

В годы войны, как и в годы массовой коллективизации, в машинно-тракторных станциях (МТС) и совхозах вновь были созданы политотделы, главной целью которых был контроль над выполнением политики партии на местах, укрепление государственной дисциплины в МТС, колхозах и совхозах. Однако, людей настраивали на выполнение тяжелых работ не только с помощью жесткой дисциплины, но и агитационно-пропагандистской работы, которая в советское время была чрезвычайно активной и разнообразной. Для сельских жителей регулярно читались лекции, велись беседы, устраивались читки газет, выпускались стенгазеты на политические и патриотические темы: о положении на фронтах войны, международных отношений, помощи тыла фронту и т.д. Также в массово-политической работе применялись и такие формы, как вечера вопросов и ответов, политдни, встречи с фронтовиками, читка писем фронтовиков, наглядные формы агитации – боевые листки, карикатуры, плакаты, доски показателей и т.д. Этим должны были заниматься сотрудники областных и районных партийных и комсомольских аппаратов, исполнительных комитетов, представители интеллигенции: учителя, врачи, агрономы, а также студенты и ученики школ. Часто подобная идеологическая работа организовывалась в виде агитбригад с концертной программой. Желание трудиться не покладая рук стимулировали также, возбуждая ненависть к врагу. Так, в одной из передовиц журнала «Большевик Казахстана» говорится: *«Основной поток газет нужно направить в колхозы, бригады, фермы, полевые станы; повсеместно должны быть организованы газетные витрины с фотографиями о зверствах фашистов во временно захваченных ими советских районах....»* [22, с. 3].

Сложной задачей агитационной работы было побуждение людей к тяжелому и изнурительному труду в условиях недоедания, недосыпания и других лишений. Для этого требовалось уметь найти подход к каждой категории тружеников. Конечно же, агитаторы во время таких бесед вряд ли обращались к сюжетам, вроде тех, которые были широко растиражированы в советской литературе. Как, например: *«Наши отцы, деды всю жизнь ели один кислый курт да черствые пригорелье лепешки. Всю жизнь они боролись за блага, которые дали казахам только Советская власть и большевистская партия. Теперь фашистские стервятники пытаются ввергнуть в рабство*

свободолюбивый народ, отобрать у нас землю, луга, скот, надеть на шею аркан» [5, с. 63]. Наиболее действенными оказывались обращения к личным чувствам граждан, связанным с нахождением на фронте родных. Один из таких примеров, пусть даже и пропагандистского характера, приводит «Большевик Казахстана», когда агитатор в Кызылординской области имел положительный воспитательный результат после вопросов, заданных молодой женщине, не выполнявшей дневную норму: *«Неужели ты не краснеешь, когда пишешь письма мужу на фронт? Как ты помотришь ему в глаза, когда он с победой вернется к тебе?»* [22, с. 4].

В советские годы на пропагандистской службе у властей оказалось народное искусство казахов. Так, в годы войны по инициативе отделов пропаганды и агитации райкомов партии в районах организовывались айтысы, то есть поэтические состязания акынов [6, с. 186]. Народные акыны специально командировались в районы проживания будущих оппонентов, чтобы на самом айтысе бичевать недостатки производственной жизни колхоза или совхоза своего противника. Например, акыны могли создавать стихи в форме жалобы коровы, быка или лошади, умирающей от голода и плохого ухода [23, с. 103].

Доходы колхозников

Оплата труда колхозников производилась за так называемые трудодни, которые в народе называли «палочками», так как бригадиры в своих тетрадах их проставляли в виде черточек. Трудоднями измерялись затраты труда колхозников в общественном хозяйстве и их долевое участие в распределяемых доходах с 1930-го до 1966 г. К примеру, в 1941 г. в соответствии с инструкцией Наркомата земледелия СССР, за каждые 100 литров надоенного молока предусмотрено 1,7 и 1,8 трудодня. За выращивание телят до 15–20 дневного возраста и за подготовку коровы к отелу – 8 т/дней. За подготовку нетелей к отелу – 7 т/дней и т.д. [24].

Судя по воспоминаниям очевидцев, за трудодни в довоенные годы в большинстве своем в кустанайских колхозах платили пшеницей, просом, горохом, всем тем, что выращивали в колхозе [16, с. 796]. А в годы войны предназначенная колхозникам на трудодни натуроплата урезалась в пользу Красной Армии [16, с. 222]. По воспоминаниям Е.В. Гиль, девушкой-подростком в годы войны работавшей токарем, оплаты труда почти не было, все шло то на помощь сиротам, то на заем и т.д. По ее словам, каждый месяц на семью выдавали лишь 18 кг муки, хлеба же в магазинах вообще не было [16, с. 793].

В то же время, известно, что колхозное крестьянство переводило значительные средства на строительство танковых колонн, кораблей, авиаэскадрилей и т.д. Большие денежные суммы оказались на руках у крестьянства в результате многократного роста цен на продовольствие, и сельчане получили от колхозно-рыночной торговли достаточно

существенные доходы. Однако же, отоварить эти деньги не было никакой возможности. Часть этих денег уходила государству на уплату налогов: сельскохозяйственного, военного, на бездетность. В случае же отсутствия денег для уплаты налогов крестьяне вынуждены были продавать продукцию личного хозяйства. А также значительная денежная масса была изъята через массовые подписки на военные займы и денежно-вещевые лотереи [8, с. 224]. Подписку на военные займы осуществляли нередко под давлением и угрозами, забирая весь скудный доход [25].

Весьма информативны для исследования стали сведения, полученные во время экспедиции от участника войны И.И. Дьячкова, отправившегося на фронт из Тарановского района. По сообщению ветерана: *«В период войны люди жили тем, что выращивали в огороде. В сараях – скот, в огороде – овощи. То, что зарабатывали на трудодни, полностью отдавали на нужды армии. Эти трудодни в годы войны брали лишь те, кому уже было нечем жить. Вся наша семья: мама, сестры, братья все заработанное сдавали в фонд победы. Семья состояла из восьми человек: мама, пятеро детей, жена моя – сноха, мой сын. Имели одну корову и огород большой, на гектар. Там выращивали картофель, овощи, подсолнух, этим и жили. И как большую семью, имеющую двух фронтовиков, колхоз поддерживал, особенно маленьких детей»* [26].

Отдельная тема – это переписка Ивана Ивановича, в те годы молодого бойца Ивана Дьячкова, со своей женой Галиной. Письма ярко, без официоза и пафоса, присутствовавшего на страницах периодической печати, свидетельствуют как о жизни простых людей в тылу, так и рядовых бойцов на фронте. Наряду с описаниями повседневности и быта, они содержат выражения чувств молодых супругов друг к другу, производящие впечатление своей силой и чистотой.

Торговля в годы войны

В глубоком тылу уже в первый год войны наблюдался острейший товарный дефицит. Государственная торговля не велась, на рынке произошло сильное вздорожание всех товаров. Люди распродают имеющееся у них добро. *«Мама без тебя хотела продать твои пимы, но я не даю, говорят, что 2 или 3 года будут лежать. А Маруся говорит, что продадим велосипед, что, мол, будем без коровы. Но за велосипед я ничего не говорю. Но пока купили телочку и на этом остановились»*, – пишет Галина Дьячкова (20 декабря 1941 г.). Собираясь стать матерью, в конце декабря 1941 г. она пишет мужу, обучающемуся в школе радистов в Алма-Ате: *«Если там можно купить алма-атинских яблок, то купи и наешься сам досыта за себя и за меня. Себя я чувствую покамест хорошо. Только плохо, что ничего не охота есть, все постное как дым. Но это ничего как-нибудь переживем. А купить нигде не купишь ни за какие деньги»* (20 декабря 1941 г.). По рассказу И.И. Дьячкова, их первенец родился до того слабым, что у него сквозь брюшную стенку просвечивали внутренние органы.

Как писал в своем отчете Е. Кожевников, начальник Кустанайского облуправления Рабоче-крестьянской милиции: «...ни в одном колхозе нет торговли, но все едят мясо и пьют молоко, но это они не на рынке покупают, а обменивают на дому» [15, с. 266]. Обмен или продажа личных вещей приравнивались к спекуляции и подлежала наказанию. Вопросы снабжения населения промышленными товарами начинают подниматься с 1943 г. Решить эту проблему предполагалось, в основном, за счет предприятий местной и кооперативной промышленности [27, с. 5]. В 1944 г. в сельские магазины стали завозить товары, хотя и по завышенным, недоступным в большинстве своем для населения, ценам. Как, опять же, писала Г.В. Дьячкова: «Сейчас к нам завозят разные товары, спирт. И все под хлеб, картошку, бери, но все очень дорого. 1 м. простой мануфактуры – 40 кг. картошки...» (16 января 1944 г.).

Относительно запасов одежды у жителей кустанайского села можно почерпнуть сведения также из писем Гали Дьячковой: «В чем хожу, я думаю, ты еще не забыл, как ходила, так и хожу в рабочий день в стареньком, а в праздник в новеньком. За два года ничего не прибавилось, а наоборот подносилось. Папа ушел в армию в твоих пимах новых, в куфайке и в шубе, а шинель оставил, его попорол и шьют Мише пальто, ему скатали новые пимы, и Марусе, и Васе» (24 января 1944 г.) [26]. В семье Дьячковых положение с одеждой и обувью еще можно назвать сносным, так как пимы, то есть валенки, по тем временам были признаком зажиточности. Зачастую жители колхозов не имели никакой сменной одежды. Однако наиболее жизненно необходимыми товарами в годы войны стали хлеб, спички, керосин, соль.

Пища. Хлеб

Почти во всех письмах супругов Дьячковых речь заходит о пище, о том, насколько он или она сыты. Так, например, Галина пишет о питании людей и торговле в тылу: «...а ты поверь, как нам надоел такой хлеб: просянка и просо, горький, не проглотишь сухой, а есть люди завидуют и на этот хлеб... Наша кормилица всего дает только 6,5–7 литров в сутки, на 8 человек разве это молоко. На базаре масло 250–300 р., яички 40–50 р. Картошка пуд – 350 р. Молоко литр 25 р.» (16 июня 1944 г.). С октября 1942 г. специальным постановлением допускалась выпечка хлеба с добавлением от 5 до 10 процентов картофеля. Тем же постановлением ликвидирована продажа хлеба без карточек по повышенным ценам, за исключением коммерческих ресторанов. С 1943 года теперь в муку для хлебопечения стали добавлять до 25–30 процентов ячменя, овса и проса [16, с. 71].

В сельской местности карточки на хлеб не вводились. Здесь устанавливалась продажа хлеба по спискам, составлением которых занимались исполкомы сельских советов [16, с. 70]. В 1943 г. в сельской местности рабочие получали 500 грамм хлеба в день, служащие – 300, иждивенцы и дети – 200. При этом райисполкомы учитывали наличие личных хозяйств у сельских рабочих и

служащих, устанавливая уменьшенную норму для этой категории лиц и снимая со снабжения членов их семей [16, с. 71].

Также еще сообщает Галина Дьячкова: *«Сейчас весь народ ходит по степи и все собирают колос, просянку и этим питаются»* (30 апреля 1944 г.) [15, с. 376]. Такое явление было очень характерно для зерновых хозяйств в голодные периоды. Люди зимой выкапывали из-под снега колосья, а весной искали по полям перезимовавшую пшеницу. В результате случались массовые заболевания граждан септической ангиной, относительно чего принимались специальные распоряжения областных властей [28].

По воспоминаниям жителей Амангельдинского района, людям приходилось в войну есть траву [16, с. 773]. Возможно, здесь речь идет о лебедке, так как именно эта трава традиционно использовалась для пищи в голодные периоды у славянских, кавказских и других этносов. Казахи же в ситуации безысходности стали перенимать этот опыт у живших по соседству народов. Советский этнограф Ю.В. Арутюнян сообщает, что в отсутствие молока, хлеба и картофеля, деревенские жители в годы войны ели крапиву, лебеду и желуди [1, с. 361].

Школа в годы войны

В годы войны в области было сокращено количество школ и классов [16, с. 195]. О положении дел в школах области можно узнать в следующей официальной докладной записке: *«ни в одной школе нет ни одной тетради, недостаточно учебников, в имеющихся школьных буфетах два-три раза в неделю получают по ¼ булочки. В школах занимаются учащиеся только начальных классов, а ученики 5–10 классов до 1 октября работают на полях, огородах. В своем большинстве, особенно учащиеся начальных классов, обувью и одеждой не обеспечены. Так, например, в колхозе им. Ворошилова Затобольского района из 32 учащихся 19 не посещают школу ввиду отсутствия обуви и одежды, в городской школе им. Крупской 120 детей ходят босые....»* [15, с. 345]. В целях борьбы с вшивостью, от которой страдала большая часть населения страны, в школах была введена обязательная стрижка школьников включительно по 6-й класс (за исключением девочек) и производился ежедневный осмотр детей [15, с. 355].

Школы в годы войны стали серьезными производственными единицами. Учащихся городских и сельских средних школ, начиная с 7 класса, обучали сельскохозяйственным работам: как ухаживать за посевами, проводить весенне-полевые и уборочные работы [16, с. 193]. После двух уроков всех ребят отправляли на работу – на поля, на сенокос, на ток; дети собирали верхушки клубней картофеля, на удобрение – золу и куриный помет [16, с. 738]. Детей разбивали по отрядам, в которых устанавливался военизированный порядок: режим, подъем по сигналу, выход на работу строем, беспрекословное подчинение и строжайшее исполнение поручений учителей, руководителей колхозов, совхозов, МТС [16, с. 199]. В полевых

работах были заняты как учащиеся, так и учителя. Так, Закирьянова Кусни Каликызы вспоминает, что, будучи еще сама школьницей, из-за нехватки учителей она работала по вечерам учительницей, а днем ей приходилось пахать на быках [16, с. 742]. Кроме того, школьников обязывали заниматься агитационной, культурно-массовой и военно-физкультурной работой. В школах детей учили стрелять, бросать гранаты, ползать по-пластунски [16, с. 205]. А еще пионеры принимали участие в сборе теплых вещей, подарков для фронта, средств для строительства военной техники [16, с. 194].

Большой проблемой в те годы была детская беспризорность. Беспризорные дети выявлялись в городах, райцентрах, на железнодорожных станциях и размещались в детприемнике-распределителе НКВД и детдомах. 14–15-летних подростков в детдомах не содержали, а трудоустраивали на предприятия, в колхозы и совхозы [16, с. 195]. Из воспоминаний одной из воспитанниц Федоровского детдома: «...в детдоме тогда были эвакуированные сироты из Белоруссии, Украины, Кавказа. Поначалу были ссоры, драки, многие дети (ингуши, чеченцы, немцы) не знали русского языка. Спасибо нашим воспитателям. Они сумели нас сплотить, сроднить. Уже через год мы стали дружными, хотя жизнь в детдоме была суровой. Спали по двое на одной кровати, еда была скудной: жидкий суп, свекла с картошкой, хлеб только в обед, и тот с примесью отходов. Дети старше 10 лет выращивали в подходе картошку, редис, лук, огурцы и помидоры. И еще ходили за щавелем, диким чесноком, ели одуванчики. Собирали ягоды для компотов». На уроках труда дети шили для фронтовиков наволочки, простыни, пряли шерсть и вязали носки, вышивали кисеты. Также воспитанники детдомов выезжали в села с концертами, пололи огороды, мыли полы и белили хаты у инвалидов и одиноких старушек [15, с. 355].

В одной из справок обкома КП(б)К отмечается, что в детдомах «питание детей очень однообразное и лишенное витаминов. Из государственных фондов детдом получает лишь муку. Был один наряд на масло, но было отоварено всего 34 кг, а около 100 кг не отоварено. По нормативам полагается 17 гр. жиров в день, воспитанники получили в июле – 13 гр., в августе – 7,5 гр. Молока получали в июле 306 гр., в августе – 145 гр. Все корпуса детдома – земляные постройки, нуждаются в ремонте. Он еще не начат. В спальнях и в столовой пронизывающий холод. Пекарня зияет дырами, баня разваливается» [15, с. 355]. Для обеспечения школьных столовых власти рекомендовали использовать местные продовольственные ресурсы, например, ловить рыбу в местных водоемах, охотиться и т.д. [16, с. 184].

Эвакуированные

По состоянию на 1 октября 1941 года в Кустанайскую область прибыло всего 11 681 человек, из которых 1131 было мужчин, 4830 женщин и 5720 детей. Всего трудоспособных насчитывалось 5244 человек. Из прибывших основная

масса, 6420 человек, была размещена в колхозах, 679 – в совхозах, 42 – в МТС, 2052 – в г. Кустанае, остальные – в районных организациях [16, с. 105].

В колхозах государственного жилого фонда почти не имелось, поэтому прибывшие люди размещались в частных домах колхозников [5, с. 98]. Жильем для жителей колхозов и совхозов Кустанайской области, в основном, в те годы служили полуземлянки и избы [16, с. 677, 751; 29]. За проживание хозяевам домов эвакуированные граждане выплачивали квартплату, которая иногда могла иметь «рваческий» характер. Квартиры стоили 50–70 руб. в месяц, что было очень дорого [15, с. 248; 30]. Там, где не хватало жилой площади, были организованы общежития. Под жилье были отданы все имеющиеся строения: здания правления колхозов, клубы и другие помещения [5, с. 98]. Нередко они совершенно не были пригодны для жилья. Например, в поселках Кустанайского района людей расселили в помещениях, в которых раньше находились ягнята [16, с. 124].

В надежде более удачно устроиться в материально-бытовом плане, люди переезжали из одного района в другой, уезжали за пределы области [16, с. 106]. Особенно мучительны были бытовые условия в колхозном селе для столичных жителей – москвичей. Несмотря на продолжающиеся боевые действия в местах их прежнего проживания, часто люди пытались выехать назад. Руководящими органами в ответ было издано распоряжение: «...проводить разъяснительную работу, билетов не продавать, вменить в обязанность начальникам станций прекратить самовольный выезд эвакуированных» [16, с. 112].

Из районов в облизполком поступали «бесконечные жалобы от семей военнослужащих». Эвакуированные в основном прибывали без запасов одежды, продуктов. Люди жили в холодных из-за отсутствия топлива помещениях, терпели перебои в обеспечении хлебом, длившиеся иногда несколько дней. Быстро распродав одежду и обувь, часто эвакуированные граждане не имели сменной или теплой одежды, в зимнее время не могли выйти на работу. Они не имели своего личного хозяйства, как местные жители, с которого последние получали хоть что-то съестное. Многие семьи уже в 1942 г. с приходом теплых дней стремились заводить свои огороды [15, с. 252].

В отношении семей рядового, командного и политического состава Красной Армии принимались меры относительно их продовольственного обеспечения, причем опять же за счет местных жителей [31]. Эвакуированные семьи, не имевшие членов семей – военнослужащих, находились в тяжелейшем положении. В поселке Рязановка эвакуированная из Ленинградской области семья Игнатьевых, имеющая шестерых детей и лишенная в результате смерти отца-кормильца, перебивалась на грани голода, что привело к безбелковой отечности. В колхозе имени Молотова Урицкого района эвакуированные ходили побираться в соседний колхоз «Рекорд» [16, с. 124].

Основным народнохозяйственным сектором, в который были направлены прибывшие человеческие ресурсы, было сельское хозяйство. Властные органы внимательно отслеживали, чтобы эвакуированные, как и все граждане, были трудоустроены и активно трудились [21, с. 11]. Газеты агитировали их за активное участие в колхозных работах. В газете Убаганского района «Большевик» в одной из статей под названием «Работать еще лучше» писалось: *«В колхозе «Новая жизнь» есть несколько семей эвакуированных. Все они с первых дней приезда в колхоз работают на разных работах и уже так втянулись в колхозную жизнь, что их ничем не отличишь от старых колхозников. Например, Кузьмина Н. до эвакуации никогда не работала возле скота, а сейчас она оказалась замечательной телятницей: всю зиму она ухаживала за 42 телятами, в ее группе не было ни одного случая падежа, все телята хорошо упитанные. Неплохо работает и свиноводка Семенова...»*[32].

Депортированные народы

Если местное население и эвакуированные страдали от очень сильного недоедания, то среди депортированных граждан имели место многочисленные факты голода. В Кустанайской области во время войны были расселены тысячи немцев, поляков, чеченцев и ингушей. Многие десятки тысяч из них погибли в первые месяцы после депортации от голода и болезней. Под страхом каторжных работ им запрещалось покидать новое место жительства [15, с. 41].

Депортированная немка М.Ц. Кесслер рассказывает о выпавших на ее долю тяжелых испытаниях следующее: *«В 1941 году нас пригнали на станцию, погрузили в товарные вагоны, ехали больше недели, не кормили, не было воды. Привезли в поселок Окраинку Орджонекидзевского (Денисовского) района Кустанайской области. Люди умирали с голоду, мать умерла в 1943 году, потом умерли брат и две сестры, их заворачивали в тряпки и хоронили. Председатель колхоза Михайлюк выделил нам корову, закрепил женщину, которая отпоила меня молоком. А весной меня определили работать в детский сад. Так как я осталась из семьи одна, меня определили в семью Баяевых. Собирали бурьян для топки, прошлогоднюю пшеницу выкапывали из-под снега. По 3–4 дня вообще ничего не ели, люди умирали, хоронили прямо в снегу зимой, а весной все оттаивало, видели трупы, у которых птицы клевали глаза...*

В колхозе работали за «палочки» (трудодни), был маслозавод в Окраинке (заведовала им Молчанова Тамара), готовили молочную продукцию для фронта, помогали немецким семьям сывороткой, в очередь стояли за последом после отела, чтобы сварить и съесть, ели павших животных, шкурки от картошки... Все жили одинаково плохо, голодали и немцы, и русские, и казахи... Наша семья принадлежала католической церкви, верим в Бога до сих пор, в годы войны и после церквей не было, поэтому молились,

собираясь в одном доме, боялись, закрывали окна и двери, но молились, и это помогло выжить в тех нечеловеческих трудностях» [16, с. 139].

В отличие от других депортированных народов, у поляков – граждан Польши были заступники в лице дипломатических работников Польского представительства. На основании советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г., поляки были переведены на положение свободных граждан и на территории Советского Союза проживали временно, до предоставления им возможности выехать на родину [33]. По сведениям кустанайского историка Д.М. Легкого, в числе ссыльных на территории области были родственники офицеров, расстрелянных в Катыни, а также членов польского эмигрантского правительства в Лондоне [34, с. 85].

Однако, положение депортированных поляков после освобождения улучшилось ненамного. Так, представитель командования польской армии в Кустанае М.Ф. Романьский в своем письме к председателю областного исполнительного комитета с возмущением обращался: *«Польские граждане принудительно направляются на работу, а в случае невозможности выполнения ими, власти грозят им судом, лишением квартир, отказывают в выдаче хлеба и в праве пользования магазинами, не разрешают перемалывать заработанный хлеб. Польские же граждане не могут работать, в особенности в степи, – так как нет у них ни соответствующей одежды, ни обуви. Износив за работой свою одежду, они ходят буквально в лохмотьях и босые. Кроме того, необходимо принять во внимание, что очень плохое состояние здоровья польских граждан, являющееся следствием длительного пребывания в тюрьмах, тяжелых условий труда в лагерях и плохого питания, – ведут за собой трату сил и потерю трудоспособности. Тяжелые болезни, распространяющиеся среди польских граждан, и очень большой, к несчастью, процент смертности, являются наглядным доказательством их трагического положения...» [35].* Если эвакуированные советские граждане в колхозах могли получать хлеб, независимо от наличия трудодней, то поляки, все лето исправно работая, в зиму оставались без пропитания [36].

Польским представительством в области было открыто 7 школ для детей поляков с польским языком обучения. В школах проводили католические молебны [37]. Поляки также пытались проводить на польском языке платные концерты и вечера для сбора средств в фонд польской армии [38]. Однако, все эти мероприятия были запрещены, а школы подлежали закрытию [39].

В начале 1944 г. в Казахстан был депортирован ряд народов Северного Кавказа, большую часть которых составляли чеченцы и ингуши. В одном из документов того времени сообщалось: *«В январе 1944 года имели место задержки санитарно необработанных на станции Кустанай 3-х вагонов спецпереселенцев с чрезвычайно большой завшивленностью и даже трупов с неустановленной причиной смерти» [16, с. 297].* Большое количество депортированных чеченцев и ингушей в годы войны было вынуждено

нищенствовать. Переселенцы с этой целью даже выезжали в другие города, в Челябинск и Троицк [16, с. 163]. Также в одном из документов читаем: «...проверка материально-бытового состояния спецпереселенцев чечено-ингушской национальности, вселенных в Пресногорьковский район в количестве 460 семей или 2446 человек, показала тяжелое положение. ... В районе имеем случаи опухания и смертности. В колхозе «Роза Люксембург» Крутоярского сельсовета от недоедания умерла Тадаева 49-ти лет, в колхозе «Красноармейский» умер Ботаев Усман 40-а лет. В одном из колхозов по той же причине умерли пять человек...» [16, с. 164].

Рядовые граждане с сочувствием относились к переносившим жестокие страдания людям. Хотя среди местного населения проводилась работа по формированию отношения недоверия к спецпереселенцам. Например, как вспоминает Ж.Б. Калмухамбетова из села Денисовка, в доме которой были поселены немцы: «Наша семья отнеслась к немцам хорошо. Жили мы не бедно, были у нас лошади, коровы, овцы. Вместе мы пасли, ухаживали за ними. Свекор – Аубакир Калмухамбетов ценил квартирантов за трудолюбие и честность, помогал им едой и одеждой. Что было у нас на дастархане, то было и у них» [16, с. 139].

Эпидемии. Болезни

Холод, антисанитария, постоянное недоедание и некачественное питание часто приводили к вспышкам различных тяжелых заболеваний: грипп, сыпной тиф, дизентерия, туберкулез, малярия, септическая ангина и т.д.[40] Бичом, как для гражданского населения, так и для солдат в лагерях подготовки и на фронте стал сыпной тиф [26]. Переносчиками заболевания, как известно, являются вши. Архивные документы сообщают, что в области «наблюдается большая завшивленность населения, особенно среди «спецконтингентов» [41]. Похоже, что в годы войны в Кустанайской области одними из первых жертвами эпидемии сыпного тифа стали депортированные поляки. Об этом свидетельствует документ, адресованный председателю Кустанайского облисполкома Д. Керимбаеву: «В связи с эпидемией заболеваний среди польских граждан, расселенных на территории Вашей области, СНК КазССР обязывает в соответствии с постановлением СНК КазССР от 4 февраля 1942 года – из занаряженного Вам хозяйственного мыла выдать 5,0 тонн польским гражданам. Обеспечьте продажу выделенного для польских граждан мыла через торговую сеть. ... Зам. Председателя СНК КазССР Н. Бабкин». Надо отметить, что и в довоенные годы мыла было недостаточно. Использование мыла, зубных щеток и порошков, а также других гигиенических принадлежностей еще прочно не вошло в те годы в обиход сельских жителей Казахстана. Это, теперь ставшее стратегически необходимым, средство гигиены было решено изготавливать из местного сырья – жира, получаемого от трупов павших животных и убитых зверей, которое скупалось у населения [16, с. 226].

Эпидемии распространялись также из-за того, что недостаточно было бань. В большинстве населенных пунктов общественных бань, а также в те годы необходимых учреждений гигиены – дезкамер для уничтожения вшей («вошебоек») не имелось [42]. В документах сообщается, что в одном из районов помещение под баню была перестроена в радиоузел, в другом же бани были засыпаны зерном [41].

Похоже, что эпидемия сыпного тифа свирепствовала всю войну и с каждым годом положение усугублялось. По-видимому, пик эпидемии пришелся на 1944 г. В начале 1944 г. в связи с прибытием в районы области большого контингента спецпереселенцев (чеченцев и ингушей) заболевание сыпным тифом резко повысилось [42]. Г.В. Дьячкова, (о ее переписке с мужем было рассказано выше) в одном из писем сообщала: *«В поселке болеют тифом. Нюра Голубова, Нюра Минькина, Нюра Соболева и др. И по другим поселкам то же самое»* (13 июня 1944 г.) [15, с. 377].

За годы войны колхозы и совхозы стали заполняться инвалидами войны: слепыми, глухими, без одной из рук, ног и т.д. Инвалиды без обеих ног передвигались на деревянных досках с колесиками. Об одном таком инвалиде войны писала в письме мужу Галина Дьячкова: *«Вчера 29 мая приехал из госпиталя Николай Максимович Брыжаха, ранен под Кировоградом, не приведи судьбы такому быть калеккой. Он раненый в глаза. Не видит ни одного процента. Правого совсем нет, а левый чуть-чуть блестит. Эх, Ваня, как только плакали все. Его привез провожатый, он только узнает по голосу. И что теперь ему, вечный калека. Взял гармошку и заиграл, а в эти минуты весь народ навзрыд плакал. Я пишу письмо и вспоминаю его, и у меня слезы капаят...»* (30 мая 1944) [15, с. 378].

Правопорядок

Самыми распространенными правонарушениями в годы войны в Кустанайской области стали хищение, разбазаривание и порча социалистической собственности, спекуляция, дезертирство и паникерство. Среди них лидировало первое.

Люди, находясь на грани голода, на свой страх и риск шли на мелкие хищения. Например, по фактам, приведенным начальником Кустанайского облуправления милиции Е. Кожевниковым, во время перегонов стада в Троицк, гуртоправы по дороге уничтожают скот, либо производят его обмен. Также, например, в южных скотоводческих Тургайском и Амангельдинском районах производилась покупка-продажа скота, которая тоже была под запретом [16, с. 267]. Конечно же, дело еще и в том, что члены колхозов не имели личной заинтересованности в сохранении колхозной, то есть социалистической, собственности. Колхозная система вообще противоречила крестьянской частнособственнической психологии. На это указывают возмущенные слова секретаря ЦК КП(б)К Н.А. Скворцова о том, что колхозники в 1940-м г. больше заботились о личном скоте, чем о колхозном.

При этом он приводит в пример Орджонекидзевский район, где при большом падеже в колхозных стадах, находящийся в личном пользовании скот почти не пострадал [43, с. 20].

Один из фактов «разбазаривания государственной продукции» в области приводит также сам секретарь ЦК КП(б)К Н.А. Скворцов в другом своем выступлении. «Разбазаривание» заключалось в том, что в Карабалыкском совхозе директор Артамонов (видимо, не лишенная чувства сострадания личность) рабочим совхоза роздал 2228 центнеров сена, 236 центнеров зерновых отходов, 38 центнеров мяса, 1,1 центнера сала, 0,6 центнера сливочного масла, 212 центнеров пшеницы, 44 центнера картофеля, 38,5 центнера молока цельного [21, с. 26]. Продажа личных вещей гражданами тоже считалось правонарушением – спекуляцией. Однако, в условиях повального дефицита это было весьма распространенным явлением.

Как в годы Первой мировой, так и Второй мировой войны казахские степи наводнили бежавшие с фронтов и трудовых армий дезертиры. Е. Кожевников, начальник Кустанайского облуправления РКМ, в своем отчете сообщал: *«по отдельным сельсоветам, аулам и в городе большой наплыв дезертиров. Есть факты ухода с фронтов и с трудовых армий. Иногда они целыми партиями ютятся в поселках, проживают у отдельных колхозников, в порожних станах, землянках и т.д.»* [16, с. 266]. Как в области, так и в целом по республике, в связи с притоком дезертиров был высоким уровень вооруженного бандитизма [16, с. 845]. В числе эвакуированных нередко находились уголовники всех мастей, ранее судимые, которые пытались промышлять прежним способом [16, с. 840].

Известны были факты и политических «преступлений». Так, например, в Семиозерном районе молодежная организация «Группа голода и нищеты» из 17 человек занималась изготовлением и распространением листовок, содержащих негатив [15, с. 129].

Морально-психологическое состояние населения

В условиях постоянной усталости от непосильного труда, переживаний за служивших в армии родных и нерадостных фронтовых известий в начале войны трудно было сохранять присутствие духа. Тяжелый быт: хроническое недоедание, отсутствие смены одежды и средств гигиены, конечно же, угнетающе действовали на людей, которые и в довоенные годы не были избалованы удобствами. Растерянные, озабоченные, отчаявшиеся в душе люди ждали только одного – быстрее окончания войны.

Об этом свидетельствуют письма Г.В. Дьячковой, в которых она сообщает: *«Теперь в нашем поселке от многих совсем вестей нет, или пришли похоронные. И когда этому будет конец, наверное, не дождемся. Нет радостных дней, весь народ как убитый ходит».* (30 августа 1943 г.) [15, с. 374]. В начале войны люди еще были настроены на скорое ее окончание. Так преподносила положение дел на фронте советская

пропаганда, стремясь предотвратить панику в обществе. Так, в мае 1942 г. Галя Дьячкова писала: *«Так что Ваня, загремела уже и бронь, конечно не все. Но, по-видимому, все пойдут после посевной. Ведь война разгорается. Все была надежда, что победят зимой, весной, а теперь говорят летом. А сколько погибло народа. И молодых и старых»*[26].

Люди жили в постоянном стрессовом состоянии, вызванном в первую очередь страхом за жизнь мужей, сыновей, отцов и братьев, находящихся на фронте. Об этом опять же ярко свидетельствуют письма Галины Васильевны к мужу: *«Я как приду с работы, зайду в избу, кругом тишина, пустота, так и хочется повопить за милого дружечка Ваню. Как будто с кем поговорю и мне легче. ... Как хочется мне, что б было так: сидела я одна дома и сильно задумалась, вдруг бы и ты подошел и я сразу не слышала, а потом увидела... На фронте положение не радует. Дудку М. тоже убило, прислал какой-то товарищ из Елизаветинки. Каждый день известия. А поэтому и мы болеем сердцем по тебе»* (1 июня 1942 г.) [26]. Интересно также сообщение Г.В. Дьячковой от 30 апреля 1944 г. о том, что людям было разрешено молиться: *«У нас на станции Тобол открыли подобие церкви, ходят богу молятся»* [15, с. 377].

Однако проявлять на широкой публике негативные настроения было нельзя – это называлось «паникерством», «дезорганизацией» и «провокацией». Жесткая репрессивная система предотвращала возможность проявлений недовольства. Населению властями давалась следующая установка: *«Поменьше шума, бесплодных разговоров об обстановке, об условиях, о событиях на войне и т.д., побольше организованности, упорной будничной работы, помноженной на энтузиазм, на большевистское понимание долга перед родиной»* [43, с. 25]. Вместе с тем в советском государстве традиционно большое значение придавалось агитационно-пропагандистской работе, и в этом направлении велась очень активная и продуманная деятельность по формированию патриотических чувств. *«Хотя мы тогда были детьми, но хорошо понимали, что надо помогать фронту. Никто и думать не мог, чтобы жаловаться на трудности»*, – вспоминает Е.Н. Самохвалова, жительница деревни Сретенка Узункольского района [16, с. 751].

Досуг

Удивительно, но и в тяжелейших условиях военного времени молодежь не унывала. По рассказу уже упомянутой Е.В.Гиль молодежь в минуты отдыха развлекалась, сидя на завалинке, распевая песни под балалайку и танцуя краковяк [16, с. 793]. Кое-где даже действовали клубы. По воспоминаниям другой жительницы одного из сел, подростки под коптилку танцевали в клубе – бывшей церкви. Заведующей клубом была ссыльная женщина. При этом часто, несмотря на то, что дневная смена девушками была отработана, работники райкома забирали молодежь с танцев на работы в ночную смену [16, с. 790].

Минутами отдыха подростки считали вечернее время, когда вязали носки и варежки для фронтовиков. Сельские советы обязывали вязать варежки, рукавицы, носки – по две пары на человека [16, с. 790]. В такие моменты девушки пели, а то и плясали под балалайку [16, с. 719].

Перегон скота

Необычным эпизодом в жизни сельских тружеников тыла можно назвать перегоны скота в освобожденные области страны. Казахстан, как и все другие тыловые регионы, принимал активное участие в восстановлении экономики пострадавших в результате военных действий территорий советских республик. В марте 1944 г. Совнарком КазССР принял распоряжение об оказании помощи районам, освобожденным от немецкой оккупации. В числе этих мероприятий был организован закуп и доставка скота в эти местности. С этой целью только Кустанайская область изыскала 10 570 голов крупного рогатого скота [15, с. 291].

О перегоне скота из области до г. Краснодона Украинской республики вспоминает его участник Абдрахман Ансабаев, в то время 14-летний подросток. Караван, в котором находился и он, был в пути полгода, с июня до ноября 1944 г. В перегоне участвовало 218 человек: гонщики, гуртоправы, доярки, которые в подавляющем большинстве были женщины и подростки, а также руководитель и ветеринарный врач. Все участвовавшие в перегоне скота были на положении военнообязанных. В летнюю жару, осенние холода и дожди, еле одетые и босые люди шли по степи, по камням, разбивая в кровь ноги. Перегонщикам продуктовые пайки не полагались, питались молоком, иногда молоко удавалось обменять на хлеб, картофель. По рассказу А. Ансабаева: *«Я засыпал на ходу, падал. Внезапно просыпался и снова шел за змеящейся лентой коровьих спин. До сих пор не могу забыть те утомительные, казавшиеся бесконечными, часы самопреодоления»*. Когда шли по местам боевых действий несколько перегонщиков подорвались на минах. Через крупные реки – Урал, Волгу и Дон – переправлялись на паромках. Скот был доставлен к месту назначения 6 ноября 1944 г. без потерь, с привесом и приплодом [15, с. 299–301].

Еще одной участницей перегона скота в освобожденные от оккупантов регионы была Е.А. Брусник. *«Вернулись полуживые, грязные, голодные, – вспоминает Екатерина Андреевна. – При этом нам не дали никаких справок, ни в каких документах этот перегон не был отмечен...»*. Спустя годы за тот самый перегон скота Е.А. Брусник получила медаль от Украины «55 лет вызволения Украины» [16, с. 740].

Один из свидетелей перегонной эпопеи Алтай Куаншалулы Тулубаев дважды участвовал в доставках скота, оба раза начиная путь с родного Джетыгаринского района. В первый раз он вместе с отцом гнал стада на Украину, а второй раз пятнадцатилетний Алтай вместе с отцом, сестрой и братом сопровождал скот в Сталинградскую область. Как вспоминает А.К.

Тулубаев: «Скот в колхозах района отбирали здоровый, упитанный, одной породы, казахской белоголовой. Сопровождающим выделили две лошади, две брички, в которые запрягали быков, погрузили продукты, палатки, раскладушки, одежду, посуду. Наш маршрут был расписан во всех подробностях, где пасти скот, где делать привал, где поить животных. Нашей главной задачей являлась сохранность скота, и чтобы он не терял упитанность. Законы тогда были строгие, сталинские, если виноват – тюрьма, а то и расстрел» [15, с. 302].

Таким образом, рассмотренные архивные документы военной поры, воспоминания тружеников тыла и письма на фронт воссоздают картину жизни рядовых жителей казахстанской сельской глубинки – колхозов и совхозов Кустанайской области в период Великой Отечественной войны. Необходимо помнить, что война принесла с собой неисчислимы страдания не только на фронте, но и в тылу, проявившие себя в широкой эксплуатации детского труда, детской беспризорности, недоедании, голоде и эпидемиях, приведших к высокой смертности среди гражданского населения. Неэффективная командная экономическая система и репрессивная машина в советских условиях усугубляли неизбежные трудности военного положения, превратив жизнь рядовых людей в каждодневное испытание на выживание.

Автор выражает благодарность сотрудникам отдела внутренней политики Кустанайского областного акимата, руководству областного (К. Укин) и городского совета ветеранов (М.И. Подоляков) за содействие в проведении экспедиции и предоставленные материалы.

Источники и литература

1. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 466 с.
2. Война. Народ. Победа. 1941–1945. Статьи. Очерки. Воспоминания. Кн. 1–4. М.: Политиздат, 1984.
3. Советский тыл в Великой Отечественной войне. Трудовой подвиг народа. М.: Мысль, 1974. 367 с.
4. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1985. 711 с.
5. Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Алма-Ата: Наука, 1971. 351 с.
6. Белан П.С. Героический труд работников сельского хозяйства Северного Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР». Т. X. Алма-Ата, 1961. С. 166–188.
7. Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта. А.: Казахстан, 1970. 475 с.

8. Абылхожин Ж.Б. Подвиг // Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы: Гылым, 1998. С. 215–226.
9. Султангазиев М. Будни войны: аулы и села Казахстана в годы войны (1941 – 1945) // Отан тарихы. 2015. № 2. С. 24–33.
10. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы: Арыс – Казакстан, 1998. 428 с.
11. Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945. Пиррова победа // http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6012. (дата обращения: 09.02.2017).
12. Кондрашин В.В. Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2005/2005_2_289_300.pdf. (дата обращения: 09.02.2017).
13. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.
14. Козлов Н.Д. Повседневная жизнь в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии начала XXI века // <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyaya-zhizn-v-sovetskom-tylu-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-v-otechestvennoy-istoriografii-nachala-xxi-v>. (дата обращения: 09.02.2017).
15. Кустанайская область в годы Великой Отечественной войны: единство фронта и тыла (Сборник документов и материалов). Костанай: Костанайский печатный двор, 2010. 508 с.
16. Кустанайцы – герои тыла. Личный вклад. Костанай: Костанайский печатный двор, 2012. 854 с.
17. ГАКО. Ф. 72. Оп. 6. Д. 29. Л. 31. 20 февраля 1941.
18. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 56. Л. 27. 5 мая 1944.
19. Либкинд А. Об отгонном животноводстве // Большевик Казахстана. 1942. № 16. С. 7–10.
20. ГАКО. Ф. 72. Оп. 6. Д. 24. Л. 56. 21 августа 1941.
21. Доклад секретаря ЦК КП(б) Казахстана тов. Н.А. Скворцова на республиканском совещании-семинаре начальников политотделов МТС и совхозов 15 января 1942 г. // Большевик Казахстана. 1942. № 3 (февраль). С. 1–31.
22. Выше уровень партийно-массовой работы в ауле и селе // Большевик Казахстана. 1943. № 11–12 (август). С. 1–4.

23. Нурмаханов К. Роль айтысов в общественной и производственной жизни Казахстана // Отан тарихы. 2016. № 2. С. 98–109.
24. ГАКО. Ф. 72. Оп. 6. Д. 106. Л. 78. 24 ноября 1941.
25. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 197 об. 15 июня 1942.
26. Полевые материалы автора. Информант: И.И. Дьячков (1921 г.р.), г. Рудный Костанайской обл. (Январь 2015 г.).
27. Скворцов Н.А. Больше товаров широкого потребления населению (Речь на республиканском совещании работников местной и кооперативной промышленности 16 июля 1943 г.) // Большевик Казахстана. 1943. №11–12. С. 5–18.
28. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 56. Л. 28. 6 мая 1944 г.
29. ГАКО.Ф. 268. Оп. 11. Д. 27.Л. 221. 18 июля 1942.
30. ГАКО.Ф. 268. Оп. 11. Д. 27.Л. 58. 23 января 1942.
31. ГАКО.Ф. 268. Оп. 11. Д. 41. Л. 22. февраль 1943.
32. Большевик (газета Убаганского района Кустанайской области). 1942. № 34. С. 2.
33. ГАКО.Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 135. 13 апреля 1942.
34. Легкий, Дмитрий. О судьбе депортированных поляков // Мысль. 2014. № 10. С. 81–85.
35. ГАКО.Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 4. 6 декабря 1941.
36. ГАКО.Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 24. 26 января 1942; 26 об. 20 января 1942.
37. ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 216. 19 июля 1942.
38. ГАКО.Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 235. 8 сентября 1942.
39. ГАКО.Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. Л. 236. 9 сентября 1942.
40. ГАКО.Ф. 268. Оп. 11. Д. 54. Л. 21. 19 февраля 1944.
41. ГАКО.Ф. 268. Оп. 11. Д. 54. Л. 23. 25 октября 1944.
42. ГАКО.Ф. 268. Оп. 11. Д. 56. Л. 40. 8 июля 1944.
43. Скворцов, Николай, Все силы, все ресурсы Казахстана – для победы над врагом! // Большевик Казахстана. 1941.№ 7. С. 13–26.

Орынбаева Гульмира Усенбаевна,

ученый секретарь ЦГМ РК